

Предисловие к переводу Дворы Яноу и Мерлина ван Хульста

*Виктор Вахштайн**

Отличительная особенность популярных теоретических моделей — повышенная кросс-дисциплинарная мобильность. Не успев пустить корни в одной дисциплине, они перебираются в следующую. Изначально предназначенные для описания когорты относительно специфичных феноменов, эти теоретические языки постепенно расширяют область описываемого, презируя устоявшиеся дисциплинарные границы и юрисдикции. Как следствие — адаптация теоретической схемы к жанру новой дисциплины, появление законных отпрысков в захваченной исследовательской области и — очередная миграция. Термин «пролиферация», которым науковеды пытаются заклеить данный процесс, действительно хорошо схватывает суть явления благодаря имплицитной биологической метафоре: пролиферация — это не просто «размножение» концептуальной схемы, это ее «разрастание путем новообразований». Именно так в науках XX века разрастался и множился фрейм-анализ.

Работа Дворы Яноу и Мерлина ван Хульста может быть расценена как очередная попытка произвести инвентаризацию блудных теоретических ресурсов, возводящих свою родословную к исследованиям Грегори Бейтсона. На такую интерпретацию их статьи, в частности, указывает список литературы (в девяносто с лишним пунктов), куда попали практически все релевантные работы по фрейм-анализу в исследованиях политики, международных отношений и общественных движений. С того дня, как Бейтсон посетил зоопарк Флейшхакера в Сан-Франциско и задался вопросом «Благодаря какой сигнальной системе обезьяны способны распознать, нападает на них в данный момент другая особь или заигрывает?», прошло уже более полувека, однако предложенный им ответ (вернее, тот теоретический язык, на котором этот ответ был предложен) продолжает будоражить умы исследователей. Попытаемся и мы вслед за Яноу и ван Хульстом проследить запутанные «линии наследования» в теории фреймов.

Итак, Грегори Бейтсон — ключевая фигура. В небольшом семинарском кружке, к которому он принадлежал, ведущую роль играл отец-основатель кибернетики Норберт Винер, и создание теории фреймов — лишь один из побочных продуктов великой кибернетической революции 50-х. (Побочный, несомненно, для самой революции, но центральный для всех фрейм-аналитиков мира.) В 70-е годы исследователи искусственного интеллекта активно использовали ресурсы теории фреймов, однако

* **Вахштайн Виктор Семенович** — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ, декан факультета социологии и политологии Московской высшей школы социальных и экономических наук, avigdor2@yahoo.com

© Вахштайн В., 2011

© Центр фундаментальной социологии, 2011

это «другая» теория фреймов — к примеру, известная книга М. Минского (1975) не имеет ничего общего с идеями Бейтсона, она напрямую восходит к работам Винера. Таково первое различие (Яноу и ван Хульст, вслед за Митчеллом Аболафией называли бы это «фреймирующим ходом»): лишь те работы, которые отталкиваются от бейтсоновской постановки проблемы, релевантны магистральной линии развития фрейм-анализа в социальных науках.

Из исследований коммуникации фрейм-анализ мигрирует в социологию благодаря усилиям Ирвинга Гофмана (он использует идеи Бейтсона для ответа на вопросы, поставленные феноменологами и символическими интеракционистами). Дальнейшую линию проследить несложно — идеи фрейм-анализа обосновываются в социологии повседневности, откуда влияют на развитие когнитивной социологии (Э. Зерубавель), конверс-анализа (Э. Щеглофф, Х. Сакс) и социологии вещей (Б. Латур, Дж. Ло). Однако социология — далеко не единственная «новая родина» теории фреймов. В психологии ее законным наследником становится нейролингвистическое программирование (Д. Гриндер, Р. Бендлер). В политических науках — интерпретативный политический анализ Дональда Шёна и Мартина Райна. В теории общественных движений — работы Дэвида Сноу и Роберта Бенфорда. Сегодня любая встреча фрейм-аналитиков из разных дисциплин напоминает описанный Ильфом и Петровым сюжет с «детьми лейтенанта Шмидта»: ее неотъемлемый атрибут — установление «родства» (неслучайно в статье ван Хульста и Яноу особо подчеркивается прямое наследование интерпретативного политического анализа работам Бейтсона, а не Гофмана).

Так что же, несмотря на многочисленные различия, заставляет фрейм-аналитиков читать работы своих «двоюродных братьев»? Явно не интерес к объекту. Вряд ли можно представить себе что-то более далекое от исконной темы гофмановского интереса — порядков взаимодействия лицом-к-лицу — чем экологическая политика Евросоюза, установление прочных англо-американских отношений в XIX веке или срыв муниципальных выборов в Утрехте¹. И тем не менее перекрестное опыление теорий фреймов из разных дисциплин продолжается. Виной тому — не приобретенные различия, а унаследованные сходства: все то, что позволяет говорить о выступлении государственных деятелей, драке обезьян и голосовании избирателей на близких друг другу теоретических языках.

Коренное различие фрейм-анализа в социологии и фрейм-анализа в политических исследованиях кроется в ответе на вопрос «Что именно фреймируется?». Бейтсон отвечает на него недвусмысленно: элементы коммуникации — *сообщения*. Гофман меняет фокус: фреймированию подлежат элементы взаимодействия, *события*. Для политических аналитиков привычнее говорить о фреймировании *проблем*, стоящих на повестке дня. Но в действительности речь может идти о чем угодно (идентичностях, процессах, ситуациях), поскольку исследователь политики не надеется установить фреймы в наблюдении (это задача микросоциолога), он находит их в нарративах — любой предмет описания оказывается также и предметом фреймирования. В первом

1. Дальше от них только социетальная трансформация российского общества, но и она уже, кажется, была переосмыслена в категориях фрейм-анализа В. А. Ядовым: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Popitka_pereosmislit_Yadov.pdf

случае мы говорим о фреймировании как о чем-то, что происходит в самом взаимодействии (фреймы событий не только «в глазу смотрящего»), во втором — нас больше занимают повествовательные фреймы, делающие возможным конструирование убедительного нарратива. Следовательно, предмет фреймирования уже не столь важен.

Как два этих типа фреймирования соотносятся друг с другом? Ясно, что у Бейтсона никакого противоречия нет: метакоммуникативное сообщение «Это — игра» фреймирует коммуникацию обезьян, метакоммуникативное сообщение «Не стрелять на избирательном участке» — взаимодействие избирателей. Сообщения укоренены в самом взаимодействии, но сохраняют свою дистанцию по отношению к нему (поэтому они «метасообщения», т. е. сообщения о сообщениях). А следовательно, фреймирование имеет место и в наблюдаемом поведении, и в описывающих его текстах, нарративах, изображениях. Раскол появится позднее, когда мы сфокусируемся либо на самом взаимодействии (Гофман), либо на его описаниях (Шён и Райн).

Двора Яноу — ученица Дональда Шёна и «прямая наследница» той группы теоретиков из Массачусетского технологического института, которые принесли кибернетические идеи в политические исследования. Ей и её коллеге Мерлину ван Хульсту, естественно, интереснее второй тип фреймирования: важно не то, что происходит, а то, как мы спрашиваем и как мы отвечаем на вопрос «Что происходит?». И именно поэтому предлагаемая ниже статья Яноу и ван Хульста — не просто еще одна инвентаризация релевантных теоретических ресурсов, а яркий пример именно такого типа фрейм-аналитического мышления. Исключает ли оно интерес к самому объекту фреймирования, т. е. фреймированию-до-нарратива, фреймированию первого порядка? Нет.

Проведем мысленный эксперимент.

Представим Грегори Бейтсона в зоопарке Флейшхакера. Он видит, как две обезьяны обмениваются укусами. Он понимает, что обезьяны «играют», т. е. укусы эти «не настоящие». Он задается вопросом: как именно они понимают, что происходит? И приходит к выводу о существовании целой системы имплицитных метакоммуникативных сообщений типа «Это — игра». Потом он должен задаться вопросом о том, как он сам — не сидя в клетке и не кусая других особей — сумел распознать данное метакоммуникативное сообщение? Ответ: он смог сделать это благодаря детальной фиксации различий между двумя типами коммуникации — «дракой» и «игрой» — эти различия и позволяют ему сказать, что один из фреймов коммуникации является транспонированной версией другого². Однако не произвел ли он сам это различие? В процессе отбора релевантных наблюдаемых феноменов, их сопоставления, упорядочивания, описания? Честным ответом будет: да, произвел. Что отнюдь не умаляет

2. Гофман в этом контексте приводит наблюдение К. Лоренца за играющим котенком: «Он [котенок] вдруг прижимается к полу, перебирает попеременно задними и передними лапками и бросается, с фотографической точностью повторяя то, что делает взрослый кот, охотясь за мышью. Но котенок „охотится“ на одного из своих собратьев: он хватается передними лапками и как бы с силой дерет задними. Это опять-таки одно из движений, используемых взрослыми котами в серьезной драке... *Только в игре* можно встретить такую последовательность быстро меняющихся действий» (курсив мой. — В.В.) (Гофман И. [2004]. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 103).

ценности самих наблюдений — без подобного фреймирования они никогда не смогли бы стать предметом научного повествования.

Мы видим, где проходит граница фреймирования первого и второго порядка. Взаимодействие обезьян *уже* протекает в определенном фрейме. Фреймовая конструкция их коммуникации поддерживается самими приматами и не нуждается в Бейтсоне для своего воспроизводства. Бейтсон же производит операции селективного отбора, именования, категоризации и описания (все они последовательно рассмотрены Яноу и ван Хульстом как составные части фреймирования) — то есть совершает фреймирование второго порядка. Оно уже недоступно в непосредственном наблюдении (мы не видели, как Бейтсон это сделал), но может быть ретроспективно «схвачено» при чтении его текстов. Всякий раз, когда мы переходим от вопроса о самом взаимодействии к вопросу о его описаниях, мы совершаем переход от фреймирования первого порядка к фреймированию второго порядка, от интерактивных фреймов к фреймам нарративным. Политические аналитики смирились с тем, что фреймы могут быть познаны лишь посредством анализа повествований; социологи еще сохраняют остатки веры в непосредственное наблюдение (конечно, всегда-уже-категориально-нагруженное).

И это, по-видимому, один из источников интереса двух версий фрейм-анализа друг к другу.